

ДМИТРИЙ В. КАТАЕВ

Липецкий государственный педагогический университет имени
П.П. Семенова-Тян-Шанского, Россия

ORCID: 0000-0003-4391-8949

Макс Вебер и Новая критическая теория Хартмута Розы: актуализация классики

doi: 10.22394/2074-0492-2020-4-146-166

Резюме:

В статье рассматривается ключевой для российского и зарубежного вебероведения вопрос об эпистемологических возможностях и месте веберовской социологии в современной социальной теории. Дискуссионным статьям известных российских ученых, которые подвергли резкой критике актуализирующее направление вебероведения в целом и религиозно- и культурно-социологическую направленность, в частности, противопоставляется реактуализация и переосмысление ключевых веберовских тем в проекте Новой критической теории известного немецкого социолога Хартмута Розы. Такая проекция позволяет, с одной стороны, тематизировать аксиоматическое утверждение об эвристической, а не конкретно-содержательной актуальности классики, с другой, представляет возможность прочтения Вебера как макросоциолога. В оригинальной дискуссионной социологии Розы Вебер предстает не просто как предшественник, упоминание которого усиливает релевантность новой теоретической схемы, но, прежде всего, как аналитик и диагност раннего модерна. Основные идеи и теоретические построения Вебера органично встраиваются в методологическую рамку Розы анализ-диагноз-праксис. Анализ рационализации как универсально-исторического процесса современности в веберовской социологии переосмысливается Розой как расширение и ускорение, расколдовывание как диагноз современности перекодируется в отчуждение, а понятие харизмы — в резонанс, ключевое понятие в концепции немецкого мыслителя.

Ключевые слова: вебероведение, новая критическая теория, резонанс, рационализация, расширение, расколдовывание, отчуждение, харизма, Хартмут Роза

Катаев Дмитрий Валентинович — доктор социологических наук, профессор кафедры философии, социологии и теологии Института истории, права и общественных наук Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского. Научные интересы: немецкая теоретическая социология, история социологии, методология социальных наук. E-mail: dmitrikataev@rambler.ru

Dmitry V. Kataev

Lipetsk State Pedagogical Semenov-Tyan-Shansky University, Russia

Max Weber and the New Critical Theory of Hartmut Rosa: Updating the Classics

Abstract:

The article discusses a key issue for Russian and international Max Weber Studies: the epistemological possibilities and place of Weberian sociology in modern social theory. Discussion articles by well-known Russian scientists — who sharply criticized the actualizing direction of Weberian studies in general, and the religious, cultural, and sociological orientation in particular — are contrasted with the re-actualization and rethinking of key Weberian themes in the “New Critical Theory” of the influential German sociologist Hartmut Rosa. Such a projection will make it possible, on the one hand, to thematize the axiomatic assertion about the heuristic rather than concrete-content relevance of the classics; on the other hand, it will provide an opportunity to read Weber as a macrosociologist. In the original, criticized, and often rejected sociology of Rosa, Weber appears not only as a predecessor whose mention enhances the relevance of the new theoretical framework, but, above all, as an analyst and diagnostician of early modernity. Weber’s main ideas and theoretical constructions are organically built into Rosa’s methodological framework: analysis-diagnosis-praxis. The analysis of rationalization as a universal historical process of modernity in Weber’s sociology is rethought by Rosa as expansion and acceleration; disenchantment becomes a diagnosis of modernity and is recoded into alienation, while the concept of charisma is transformed into the key concept of resonance.

147

Keywords: Max Weber Studies, new critical theory, resonance, acceleration, rationalization, expansion, disenchantment, alienation, charisma, Hartmut Rosa.

Нескончаемый «спор о Вебере»

К столетию со дня смерти Макса Вебера в отечественной социологии возродилась дискуссия о месте классика в современной социальной теории, возможностях актуализации и применения его наследия. На страницах авторитетного журнала «Экономическая социология» диспут коснулся известных тезисов протестантизма, в «Социологическом обозрении» вышла критическая статья культурсоциологического направления российского и гейдельбергско-

Dmitry V. Kataev — Doctor of Sociology, Professor, Department of Philosophy, Sociology and Theology, Lipetsk State Pedagogical Semenov-Tyan-Shansky University. Research interests: German theoretical sociology, history of sociology, methodology of social sciences. E-mail: dmitrikataev@rambler.ru

го вебероведения. Первая критика Р.М. Капелюшникова основана на реинкарнированных выпадах первой половины и середины XX века в основном из англоязычной литературы, связанной с лакунами в переводе «Протестантской этики и духа капитализма» и с отсутствием переводов текстов по социологии религии, таких как «Хозяйственная этика мировых религий», «Протестантские секты и дух капитализма» и на английском языке¹. С переводом этих текстов, многочисленных рецензий и интерпретаций эта критика сходит на нет, и за Вебером закрепляется статус классика социологии религии и экономической социологии, чья методологическая рамка не утратила своей актуальности.

Все это неоднократно обсуждалось на втором (с конца 1960-х по 1990-е) и третьем этапе (1990-е и по настоящее время) зарубежного вебероведения [Schwinn 2020: 356], но несмотря на это, авторитетный российский экономист и, как оказалось, мастер инвектив Р.М. Капелюшников [2018a; 2018b] характеризует вебероведение как «типноз», «расколдовывает» увлеченность многих авторов Вебером, показывая, как он считает, несостоятельность веберовских трудов по социологии религии теоретически, методологически и исторически. Любые попытки актуализировать классика являются в этой оптике бесплодными и бесперспективными. Эти уже ставшие тривиальными, но воскрешенные критические замечания нашли отклик в других работах [Катаев 2018; Забаев 2019], которые, напротив, выявляют значительные лакуны в критике как с точки зрения теории и методологии, так и с точки зрения переведенных текстов и неучтенных универсально-исторических трудов классика, демонстрируя несостоятельность обвинений и вместе с тем эвристический потенциал веберовской исследовательской программы.

Статьи Р.М. Капелюшникова базируются в целом на ранней англоязычной рецензии классика и марксисткой политэкономической критике: «я принадлежу к почти уже исчезнувшему племени тех, кого в советские времена называли “критиками буржуазных экономических теорий”» [Капелюшников 2019: 186]. Другая критическая статья Э.Н. Ожиганова [2020a] представляет собой уже причудливый микс марксисткой критики и кассельской школы вебероведения. Выпады в сторону вебероведения в России и гейдельбергской школы веберианства, несомненно, отсылают нас к первой монографии автора [Ожиганов 1986], о которой метко еще

1 О значении социологии религии для понимания, что Вебер считал «своей» социологией, см. [Schluchter 2016; Катаев 2017]; о месте социологии религии в творчестве классика см. [Тенбрук 2020; Кильдюшов 2016]; о фрагментарности, избирательности и неточности переводов его работ на английский язык [Triebe 2006].

в 1990 г. высказался А.И. Патрушев [1990: 15]: « [...] сомнение вызывает приверженность авторов в ряде случаев к избитым клише о субъективизме и иррационализме Вебера, о его политической реакционности, что трудно совместить с утверждением самого Ожиганова о постоянной эволюции Вебера “в направлении левобуржуазных политических позиций”. Вряд ли можно считать удачной и сформулированную автором задачу — “разоблачить буржуазно-классовую идеологическую направленность политической социологии Макса Вебера”. Не говоря уже о том, что зуд “разоблачительства” никак не отпускает советских ученых, в данном случае постановка такой задачи попросту неуместна, ибо сам Вебер всегда подчеркивал, что выражает интересы буржуазии как класса, так что разоблачать его в этом совершенно не приходится».

С тем же «зудом разоблачительства» профессор обрушивается на культуросоциологические, синтетические и марксистские «версии» вебероведения [Ожиганов 2020а: 123], основанные, как он считает, на «схоластическом метатеоретизировании» [Там же: 125], изобличаются любые попытки реконструкции и актуализации веберовского наследия в виде «парадигмы» или «исследовательской программы» (между которыми ставится знак равенства, несмотря на известный диспут в вебероведении¹). Даже обоснование веберовской социологии как науки о культуре с ключевым вопросом о генезисе и развитии западноевропейского капитализма не устраивает российского ученого. И все потому, что якобы проигнорировано программное эссе 1913 г. «О некоторых категориях понимающей социологии». Для Э.Н. Ожиганова не имеет значения, что сам Вебер в еще 1916-м пишет в письме

1 Речь идет о различных оценках значения эпистемологии веберовской социологии для современной социальной теории двух выдающихся немецких вебероведов М.Р. Лепсиуса [2004] и В. Шлюхтера [2004]. М.Р. Лепсиус считает, что парадигмальный подход позволяет Веберу преодолеть раскол различных социологических школ по поводу разграничения действия и структуры, понимания и объяснения, институтов и индивидов, истории события и структуры события [Лепсиус 2004: 52]. В. Шлюхтер [2004: 25] отмечает, что применение куновского понятия парадигмы к веберовской социологии сужает возможности актуализации и следует говорить об исследовательской программе, так как это соответствует и самой постановке научных проблем Вебером и позволяет не просто интерпретировать, но и эксплицировать веберовскую социологию, тем самым включая ее в «актуальную дискуссию о теории» [Там же: 26]. Эти и другие аспекты веберовской социологии анализировались в трех коллективных монографиях «Парадигма Макса Вебера» [Albert, Bienfait, Sigmund, Wendt 2003], «Аспекты веберовской парадигмы» [Albert, Bienfait, Sigmund, Stachura 2003], «Старые понятия, новые проблемы. Социология Макса Вебера в свете актуальной постановки проблем» [Schwinn, Albert 2016] как в методологических, так и в онтологических аспектах.

издателю Паулю Зибеку, что было бы преждевременным публиковать «его социологию», как он ее понимает и, по собственному признанию, в 1919 г. значительно переработал и улучшил упомянутую статью. По мнению автора, «изменения в терминологии были той ценой, которую Веберу пришлось платить за выполнение требований популяризации» [Там же: 126, 127]. При этом Вебер говорит о прямо противоположном: популяризация должна уступать «строгости определения понятий» [Вебер 2016: 67; Weber 1980: 1]. Также для него неважно, что выведение общих законов бессмысленно, что цель социальных наук — понять связь и культурное значение явлений, что без осмысленного социального действия не существует комплексных образований и т. д. Все это, конечно, известно отечественному социологу, но принятие этих аксиоматических и фундаментальных положений веберовской социологии ставит под вопрос «закон инвариантности господства», ставший краеугольным камнем упомянутой статьи и монографии [Ожиганов 2000b], а он, следуя логике автора, всеислен, потому что верен. Обращение к этим работам (которые не являются мейнстримными для отечественного вебероведения) преследует цель, с одной стороны, артикулировать актуализирующее направление веберовских исследований, против которого выступают оба автора, с другой, яснее и четче показать эвристический потенциал веберовской социологии для анализа и диагноза модерна.

150

Подобные дискуссии вокруг классического наследия не являются чем-то новым в отечественном или зарубежном теоретическом поле. Зарубежное вебероведение прошло столетний путь через «открытие» Вебера и критику через систематизацию и реконструкцию к актуализации его работ [Filiprov, Farkhatdinov 2019; Schwinn 2020]. Рассмотренные же статьи в общем отрицании систематизации и актуализации задерживаются на первой стадии фрагментированного «освоения» Вебера, итогом которой стал конгресс в 1964 г. На настоящем этапе с завершением систематизации работ классика в Полном собрании сочинений (которое нам еще предстоит освоить) речь идет, как уже отмечалось, об актуализации Вебера как макросоциолога. При этом, как пишет Вольфганг Шлюхтер в данной связи, речь идет лишь о возможной постановке проблем при помощи веберовского инструментария, сами решения же могут и должны быть иными: «какие понятия образуются, это вопрос понятийной целесообразности, но как они образуются, уже нет. Есть только выбор между точными и неточными понятиями, но, если востребованы точные понятия, необходимо образовывать идеальные типы в экономической теории, экономической социологии и социологии» [Schluchter 2016: 307-308]. Ю.Н. Давыдов [1998: 504] настаивал на восстановлении первоначального смысла социологических понятий «аутентичного Вебера» с требованием актуализации его наследия [Там же: 9].

Итак, если характеризовать современное состояние вебероведения в мире, то с изданием последнего тома Полного собрания сочинений реконструкцию и систематизацию веберовских текстов можно считать завершенными. Актуализация же творчества Вебера при сохранении аутентичности и целостности прочтения классика не утратила своего значения, как и требование «восстановления первоначального смысла современных социологических понятий вообще, не извращенных околонучным политиканством» [Там же: 504]. Именно такую актуализацию представил Хартмут Роза в своей Новой критической теории.

Новая критическая теория Хартмута Розы: основные идеи и реактуализация классики

Хартмут Роза не является вебероведом и относит себя к совершенно иному интеллектуальному направлению. Однако целый ряд мозаичных интерпретаций веберовского наследия, включение ключевых тем веберовской социологии в Новую критическую теорию, их реактуализация и переосмысление в позднем модерне, представляет интерес не только для последователей веберовской социологии, но и других направлений. В учебнике «Социологические теории» Роза причисляет Вебера наряду с Дюркгеймом к важнейшим классикам и отцам основателям социологии, обосновав методологически и тематически академическую самостоятельность дисциплины. Более того, Роза приводит суждение, на которое отважится не каждый веберовед: «встречается убеждение, согласно которому тот, кто контролирует интерпретацию научных работ Вебера, владеет в целом социологическим исследованием» [Rosa 2018: 52]. В своих собственных работах немецкий ученый привлекает Вебера не столько как предшественника, сколько как классика теоретической социологии, указавшего путь к образованию понятий и постановки проблемы. Это в полной мере соответствует, как отмечалось выше, ключевым положениям «веберовской исследовательской программы» В. Шлюхтера и вебероведения Ю.Н. Давыдова.

Директор коллегии имени Макса Вебера в Эрфурте, профессор Йенского университета Хартмут Роза известен как автор нашумевших и оригинальных теоретических построений в Германии и за ее пределами и в меньшей степени как интерпретатор и реципиент творчества классика. Наиболее яркими являются концепции резонанса [Роза 2018], ускорения [Rosa 2005; 2012; 2013], социология отношения к миру [Rosa 2020], которые сам автор охватывает понятием «Новая критическая теория». Теоретические конструкции йенского профессора стали не только предметом многочисленных рецензий, откликов, критик, но и одним из поводов для «нового

спора о позитивизме» на страницах центральных СМИ и авторитетного Журнала теоретической социологии с последующим появлением конкурирующей структуры старейшему и авторитетному Немецкому социологическому обществу, у истоков которого стояли классики немецкой социологии¹. В настоящее время усилился интерес к работам Розы также со стороны теологов и религиозных философов [Kläden, Schüßler 2017].

Концептуализация и систематизация многогранных тем Розы на данный момент представляется определенным вызовом для социальных исследователей. Это связано с онтологическими и эпистемологическими особенностями его программы. Во-первых, это амбициозная попытка анализа современности как универсально-исторического процесса ускорения и расширения в эпоху позднего модерна. Этот анализ переплетается с диагнозом кризисов современности: экологии, демократии и индивидуальной психики, связанных с нарушением отношения человека с окружающей средой, социальным миром, патологией субъективного отношения к себе [Rosa 2020: 14]. Во-вторых, критика ресурсно-ориентированного подхода в мейнстримной социологии, который измеряет качество жизни опциями ресурсов и не дает ответов на вопросы об условиях удавшейся или хорошей (в некоторых контекстах — «благой») жизни. В-третьих, исходя из этой критики Роза формулирует цель Новой критической теории: «сказать больше систематического и субстанционального об удавшейся (полноценной) жизни, не теряя почвы эмпирически обоснованной социальной науки, без дрейфа в сторону спекуляций, чистой философии, эзотерики или религии» [Ibid.: 19]. Для этого необходима критика исторически сложившихся условий и выработка социологией стабильных осей резонанса. В-четвертых,

152

1 Дискуссия включила в себя цикл статей известных немецких социологов Х. Эссера и С. Хиршауера. Эссер как *spiritus rector* обосновывает учреждение академии и возвращение к аналитико-эмпирическому направлению «кризисом доверия» к социологии, «превращением науки в дискурс», в «производство литературы», в профессиональное написание книг. Социология должна вернуться к критериям научности: к понятийной и теоретической точности, содержательности, к эмпирической проверяемости, доказательности. Оппонент Эссера (и одновременно защитник Розы) С. Хиршауер приводит не менее убедительные доказательства в пользу сохранения консенсуса о мультипарадигмальности социологии как в теории, так и в методологии. Образование Академии социологии и основные положения аналитико-эмпирической социологии — это вызов не только профессиональному сообществу, но и самоопределению социологии в Германии, превращение ее в социальную статистику на службе государственного управления и социальных институтов. Эссер неоднократно приводит работы Розы в качестве примера «фельетонизма» и «писательства». Подробнее см. [Катаев 2020; Römer 2019; Esser 2019].

это методология креативного конструктивизма, автобиографического описания и социологического анализа художественных текстов, которая выступает альтернативой ресурсно-ориентированной мейнстримной социологии.

Для Розы социологическая теория — это реакция на процессы изменения. Теоретизирование связано с постановкой трех ключевых вопросов: об основаниях общественного порядка, или понятийном единстве модерна, соответственно социологическом описании и объяснении (синтез); о причинах, принципах и закономерностях социальных изменений (динамика); о границах и возможностях влияния социального действия на процессы изменений (праксис). Синтез-динамика-праксис — это три измерения, в которых происходит образование теории, которая является рефлексией процессов модернизации на собственном опыте [Rosa 2018: 16, 17]. Социологические подходы, как считает Роза, следует понимать как теоретическую реакцию на наблюдаемые изменения. Эти процессы амбивалентны: с одной стороны, это социальное и техническое развитие, с другой — процессы производят отчуждение, одиночество, аномию. Социологическая рефлексия таким образом должна включать *анализ* (выделено Розой) изменений в трех измерениях (синтез-динамика-праксис) и диагноз сопровождающих эти процессы патологий [Rosa 2018: 18]. Как собственные теоретические построения Розы, так и интерпретация классиков происходят в этой концептуальной рамке, при этом речь не идет о жестком алгоритме теоретических построений. В поздних работах Роза незначительно изменяет свою методологию. Праксис у него предстает как реакция на патологии, выявленные в рамках анализа современности, а сам анализ в большей степени направлен на синтез и динамику. Анализ этих и других аспектов посвящено немало работ, критикующих, дополняющих и развивающих Новую критическую теорию, при этом вне фокуса исследователей остается инкорпорация Розой классиков социологии в свою социологию отношения к миру.

Для каждого из этих положений мы находим, пусть и немногочисленные, фрагментарные и переосмысленные, ссылки на Вебера. Теорию ускорения и расширения он проецирует на универсально-исторический процесс рационализации, для обоснования качественной стратегии автобиографического описания он подчеркивает значимость концепта понимающей социологии у Вебера: «методически для него понимание субъективного смысла действия является важнейшим результатом интерпретации, какого только может достичь социолог» [Rosa 2018: 55]. При этом Роза не перестает критиковать теории рационального выбора за одностороннюю интерпретацию целерационального действия Вебера и упрощенную, ресурсно-ориентированную модель каузального объяснения, ис-

ключающую понимание [Rosa 2020: 31, 60, 190, 587]. В веберовской социологии кризисы современности, приводящие к отчуждению и ресентименту, предстают как «железная клетка послушания» и «полярная ночь ледяной мглы и суровости» и суть не что иное, как предвестники катастрофы резонанса [Ibid.: 553].

Анализ современности: рационализация-расширение-ускорение

Анализ раннего модерна, как считает Роза, представлен у Вебера как процесс рационализации [Rosa 2018: 52-69; 2020: 550]. Его интерпретация выходит за рамки тривиального рассмотрения этого процесса как универсально-исторического, охватывающего все сферы общественной жизни и означающего смену случайных, неплановых, традиционных и связанных с обычаями форм действия на продуманные, просчитанные, калькулируемые и соответственно организованные, регламентированные, системно запланированные и предсказуемые формы действия. Для Вебера рационализация выступает как «ценность», «интерес эпохи» и итог судьбы западной цивилизации. Ключевой вопрос, на который стремится ответить Вебер, — это «понять связь и культурное значение отдельных явлений в их сегодняшнем виде, с одной стороны, основания и причины их исторически Так-и-не-иначе-Ставшего-Бытия, с другой» [Weber 1973: 170]. Все это неоднократно обсуждалось вебероведами и, если не считать ортодоксальной неомарксистской критики [Ожиганов 2020a], не вызывает разногласий у российских и зарубежных специалистов. Роза, однако, переформатирует эти веберовские положения в русле своей социологии отношения к миру, которая ставит вопросы об удавшейся жизни. Для него ключевые вопросы веберовской социологии сформулированы следующим образом: «почему мы как члены западноевропейских современных обществ живем так, как мы живем, какие социальные силы ответственны за этот вид нашего “человечества” (Art des Menschentums)» [Rosa 2018: 54].

Переосмыслению также подвергся сам процесс рационализации: «В процессе рационализации, который охватывает у Вебера динамическое распространение научного знания, технического превосходства, рационального управления, экономической деятельности, оптимизации повседневной жизни, отражается то, что я пытаюсь концептуализировать понятием “всемирного расширения”» [Rosa 2020: 549, 550].

Ключевым концептом этой теории является ускорение как проблема современного общества. Под ускорением автор понимает «рост объемов ресурсов и производства в единицу времени» [Ibid.: 13]. Ускорение таким образом представляет собой «всеохватывающий про-

цесс роста» (Steigerungsprozess) или необратимую тенденцию эскалации. Главная причина этого в том, что «общественная формация модерна может лишь динамически стабилизироваться» [Ibid.: 13]. В русле критической теории Роза видит основную причину в том, что общественная формация модерна (капиталистические общества) нуждаются в постоянном расширении, росте и инновациях, увеличении производства и потребления. Они должны постоянно ускоряться, чтобы воспроизводить самих себя и сохранить культурный и структурный status quo. Главными элементами этого общества, которые связаны с ускорением, являются открытый этический горизонт (отсутствие стандартов удавшейся жизни), этическая приватизация (амбивалентность морали), динамическая стабилизация и конкуренция как модус распределения и императив ускорения [Ibid.: 44]. Это ведет к проблемному, нарушенному и даже патологическому отношению к миру. Выражается это в кризисных тенденциях современности, известных как экологический кризис (отношение к природе), демократический кризис (отношение к социальному миру) и психологический кризис (отношение к самому себе).

Ускорение всегда связано с требованием постоянной активизации материального, социального и духовного миров [Rosa 2013]. Этот длительный процесс динамической стабилизации выработал собственную логику: современные общества, их социальная структура и сферы являются стабильными только в процессе движения, и такое движение должно быть только прогрессивным. Современное общество должно быть способно к динамической стабилизации, направлено систематически на экономический рост, инновации и ускорение. Это трио — рост, инновации и ускорение — составляют временное (ускорение), материальное (рост) и социальное (инновации) измерения процесса динамической стабилизации [Ibid.: 115]. Такое видение модерна, считает Роза, позволяет преодолеть как ограниченность нормативных «проектов современности», так и квазителеологических классических теорий модернизаций как рационализации, индивидуализации, дифференциации и покорения природы [Rosa 2020: 674].

Предложенная Розой и его коллегами концепция «общества после роста» [Dögte 2019] допускает инклюзию «множественных модернов» (multiple modernities) [Joas 2013]. В действительности модерн может быть бразильским, японским, индийским, российским или же социалистическим или фашистским, если он направлен или был направлен на воспроизводство своей структуры через ускорение, экономический рост и инновации.

Возрастающая роль науки, в данном случае научного управления, свидетельствует, по Веберу, о нарастающем процессе рационализации и соответственно расширению и ускорении: «возрастающая интеллектуализация всех сфер жизни» привела к тому, что

«принципиально не осталось больше таинственных, непредвиденных сил, следовательно, все вещи можно подчинить своему влиянию посредством рационального, предварительного расчета. Это означает: расколдовывание мира» [Weber 1980: 308]. «Расколдовывание» — следующее центральное понятие в веберовской социологии, которое Роза включает в свою теорию.

Диагноз современности: «расколдовывание»-потеря свободы-утрата смысла-отчуждение

Веберовский анализ современности как универсального процесса рационализации в критической оптике Розы неизбежно сопровождается диагнозом патологий: систематизация и калькулируемость образа жизни и мира в целом, которые несет с собой рационализация, исчезновение магических, необъяснимых, необыденных и сакральных моментов грозят «высыханием» оснований смысла действующих [Роза 2018: 65; Weber 1988: 594].

156

В качестве патологий, сопутствующих процессу «расколдовывания», йенский профессор выделяет «потерю свободы и иррациональность» и «утрату смыслов» [Rosa 2018: 65, 66]. Следуя логике своей социологии отношения к миру, Роза переформатирует веберовские понятия в языке Новой критической теории. «Расколдовывание» он трактует как «потерю резонанса» [Rosa 2020: 550]. Мрачные прогнозы Вебера о «железной клетке послушания» и «полярной ночи ледяной мглы и суровости», связанных с ограничением свободы и иррациональностью, утратой смыслов [Rosa 2018: 66], есть не что иное, как предчувствие катастрофы резонанса [Ibid.: 553].

Для Вебера неудержимое шествие бюрократии, ее эффективность, рациональность и в то же время непоколебимость грозит тем, что «единственной и последней ценностью для людей станет рациональное управление чиновников» [Weber 1980: 834], и, таким образом, бюрократизация может заморозить исторически сложившуюся общественную структуру посредством «приковывания» (Fesselung) каждого члена общества к производству, классу, профессии в новой форме сословной структуры [Ibid.: 835]. Чем эффективней и лучше функционирует бюрократия, тем больше она становится машиной, «железной клеткой послушания», ведет к нивелированию, к безличному господству, формализму, угрожает демократическим ценностям [Ibid.].

Для Вебера, таким образом, бюрократизация является важным процессом рационализирующегося общества и управления, которая, с одной стороны, повышает его возможности, но, с другой, угрожает его демократическим ценностям через образование бюрократических структур господства. Такое диалектическое видение процесса рацио-

нализации управления осталось актуальным как теоретически, так и политически¹. Данная постановка проблемы указывает как на политический, так и на социологический аспект: политизация современного индустриального общества проходит не в той же мере, как обобществление политики. При этом демократическое, легитимное господство с бюрократическим аппаратом управления превращается в господство бюрократического аппарата управления, узурпируя компетенцию намечать политические цели, будь это в силу распространения новой «веры в легитимность» или «в ценность понимания дела».

В свою очередь расширение и ускорение, трактуемое Розой у Вебера как рационализация и бюрократизация, выступают одновременно и следствием, и причиной нарушенного отношения к миру (*Weltbeziehung*) [Rosa 2020: 14], в веберовской социологии трактуемого как «расколдовывание» или «потерю резонанса» или отчуждения. Решение вопросов о будущей политической организации, о возможности сохранения «индивидуалистических свобод», политического и общественного «контроля вездесущей бюрократии», формах демократического правления Вебер [Weber 1980: 836] видит в эффективном контроле государственной бюрократии со стороны общества, парламента и харизматического политического лидера. Как и Вебер, Роза [Rosa 2020: 534] диагностирует кризисы современности в связи с неудержимым шествием ускорения и расширения, он также ищет возможное решение, которое в его Новой критической теории представлено понятием резонанса.

157

Итак, логика реактуализации Вебера и включение его в качестве аналитика современности (рационализация как расширение и ускорения) как диагноста (расколдовывание как «утрата резонанса») в социологию отношения к миру диктует также поиск решения проблем, связанных с отчуждением, утратой смыслов и свободы. В конце известной развернутой цитаты из «Протестантской этики»: «бездушные профессионалы, бессердечные сластолюбцы — и эти ничтожества полагают, что они достигли ни для кого ранее не доступной ступени человеческого развития» [Вебер 2006: 127] Розе ничего не остается, как искать решение у Вебера этой «резонансной катастрофы». И таким решением выступает понятие харизмы, которое соответствует у немецкого теоретика понятию резонанса [Rosa 2020: 534].

1 Диалектика демократизации и бюрократизации подробно рассмотрена в работе Вольфганга Шлюхтера «Бюрократическое господство» [Schluchter 1972]; С. Кальберг рассматривает бюрократию как динамическую модель в постоянном напряжении с демократией [2001: 133-134].

Праксис: харизма-резонанс-спасение современности

Решение проблемы ускорения в обществе динамической стабилизации Роза видит в резонансе: «Если ускорение является проблемой современного общества, то резонанс, возможно, — решением» [Rosa 2020: 13]. Резонанс является камертоном, одновременно дескриптивным и нормативным термином, который может не только выявлять и критиковать существующие отношения к миру, но и предстает программой против общества динамической стабилизации. Весь эпистемологический посыл Розы заключатся в попытке обосновать решения кризисов современности (психики, демократии и экологии) концепцией резонанса.

Что же такое резонанс? Однозначного ответа Хартмут Роза не дает. Резонанс, как и отчуждение, относится к «основным категориальным понятиям систематической социологии отношения к миру» [Ibid.: 281. Резонанс — это способ быть связанным с миром через вибрации; «идея вибрирующего провода» [Ibid.: 279] возникает через «процессы трансформации или взаимного “созвучия”» [Ibid.: 36]. Также это обратная связь между субъектом и миром, «в которой субъекты не только позволяют прикоснуться к себе, но и в то же время [...] касаются других, то есть они могут достичь мира, взаимодействия» [Ibid.]; в ход идет даже музыкальная метафора — камертоны, которые заставляют друг друга звучать и вибрировать [Ibid.: 282-284]. Резонанс человека возможен с любым объектом: людьми, вещами, музыкой, природой, Богом, искусством и т. д. Как пишет Роза, резонанс выступает метакритерием благой жизни в условиях динамической стабилизации (ускорения). Теория резонанса должна стать «метакритерием успешной жизни» как всеохватывающая «магическая формула поздней современности», которая формулируется в ответ на несправедливость современности («отчуждение»): «критика отношений резонанса не нуждается в дополнении отношениями признания, распределения, взаимопонимания, производственными и т. д., поскольку она уже их интегрировала» [Ibid.: 749].

Попытка описать при помощи резонанса практически все социальные отношения, как и политико-этическое требование быть открытым для резонанса, послужили поводом для достаточно обоснованной критики Розы за «мессианство». С. Вите в традициях психоаналитической культурсоциологии анализирует концепцию резонанса как «обещание спасения» после «бесконфликтного, первоначального единства» [Witte 2017], Х. Эссер считает, что благодаря продолжению критической теории в сферах психоанализа и безрезонансного отчуждения на месте Розы можно представить себе Папу римского Франциска [Esser 2019: 582].

Итак, многогранное понятие резонанса, которое выступает и как возможное решение проблемы ускорения, и как обещание современ-

ности в реалиях отчуждения [Rosa 2020: 13, 624], не имеет четких категориальных границ, несмотря на заявления автора о научности и эмпирической обоснованности понятия. Отчасти поэтому, а также для обоснования тезиса, что модерн представляет собой «историю катастрофы резонанса», Роза привлекает множество авторов из философии, литературы и социологии. В области социологии он в первую очередь ищет связи с критикой политической экономии (Маркс, Лукач), ранней критической теорией (Беньямин, Маркузе, Фромм, Адорно) и другими классиками социологии (Дюркгейм, Зиммель, Вебер) [Ibid.: 517-599]. И хотя он позиционирует себя как представитель другого интеллектуального направления, чем Вебер, обоснование ключевого понятия резонанса в истории теоретической социологии он находит именно у него.

Таким понятием у Вебера, несомненно, считает Роза, является «ослепительное» (*schillernde*) и центральное понятие харизмы» [Ibid.: 554]. Ведь веберовские ссылки на возможность «воскрешения» отношения к миру старыми или новыми «пророками» есть ни что иное, утверждает Роза, как «*другие формы*» (выделено Розой) отношения к миру, не только в оптике исторического сравнения «расколдованных» миров, но и в современности [Ibid.]. По мнению Розы, харизма утверждает резонансные отношения во всех трех измерениях: появление Христа задействовало вибрации вертикальных осей резонанса, одновременно утвердило горизонтальные «оси резонанса» среди последователей, а также диагональные оси, когда способствовало пробуждению вдохновения для свершения (политических, религиозных или эстетических) дел [Ibid.]. Включение Вебера в «социологию резонансных отношений» имеет следующие причины. Во-первых, Роза стремится показать, что резонанс — это научное и операционализируемое понятие, которое закрывает лауну в социологической теории, отрицающей повседневность и не предлагающей стандарты хорошей и полноценной жизни. Цель, как отмечалось выше, — сказать больше систематического об удавшейся, полноценной жизни, не теряя почвы эмпирически обоснованной социальной науки, без дрейфа в сторону спекуляций, чистой философии, эзотерики или религии [Ibid.: 19; Катаев 2020: 429].

Для достижения поставленной цели Роза разрабатывает «оси резонанса» или «резонансные сферы»: горизонтальное измерение (в других работах оси) межчеловеческого пространства с резонансными сферами любви, дружбы и т.п., диагональное измерение отношения к вещам, включающее работу, потребление, спорт и проч., вертикальное измерение со всеобъемлющими идеями в религии, искусства и др. [Ibid.: 331]. В поздних работах Роза упрощает свою теоретическую модель до социальных, материальных и экзистенциальных осей резонанса [Роза 2019]. Для усиления статуса концепции именно как теории, а не политико-этической программы против ускоряющегося общества, он привлекает множество авторов,

в том числе и Вебера. Концепция харизмы, которую автор операционализирует по трем осям, в рассмотренном выше случае является ответом на «катастрофу резонанса», понимаемую как бюрократизация и рационализация в расколдованном мире.

Заслуга и вклад Вебера в Новую критическую теорию, с точки зрения Розы, заключается не только в анализе рационализации, диагнозе «расколдовывания» и обосновании харизмы как понятия резонанса, но в выявлении причин появления нового этоса, который охватил не только способ производства, но и формы мышления и исследования, управления и права, т. е. «всю совокупность практического ведения жизни» [Ibid.: 550].

160 Интересна в данной связи интерпретация «Протестантской этики», в которой Роза находит «идентификацию безрезонансных форм отношения к миру» [Ibid.], в первую очередь сам «дух» протестантизма в его пуританских проявлениях. Протестантизм отвергает в своих догмах и практиках магические определения или резонансные качества места (церкви, часовни, места паломничества), вещей (реликвии, священная вода, нательные кресты, просвиры и проч.) или личности (священников в некоторых деноминациях). Он также изгоняет любое вмешательство Бога, как и аффективные и эмоциональные качества, утверждая практичное и трезвое отношение к миру. Протестантам любое отношение резонанса представляется грехопадением. Таким образом аффективные и эмоциональные формы и реакции действия (резонансные отношения) замещаются на целерациональные модели действия, которые по мнению Розы являются безрезонансными [Ibid.: 551, 552]. Именно так и появляется «современный капиталистический хозяйственный строй — это чудовищный космос, в который каждый отдельный человек ввергнут с момента своего рождения и границы которого остаются, во всяком случае для него как отдельного индивида, раз навсегда данными и неизменными. Индивид в той мере, в какой он входит в сложное переплетение рыночных отношений, вынужден подчиняться нормам капиталистического хозяйственного поведения: фабрикант, в течение долгого времени нарушающий эти нормы, экономически устраняется столь же неизбежно, как и рабочий, которого просто выбрасывают на улицу, если он не сумел или не захотел приспособиться к ним» [Вебер 2006: 76]. Такая общественная формация в теоретической оптике анализа модерна характеризуется «резонансной катастрофой», в которой нет места резонансным отношениям, заключает Роза после цитаты, разделе об истории понятия резонанса [Rosa 2020: 554]. И только харизма, которая «признает только внутреннюю определенность и свои собственные границы» [Weber 1980: 663] в лице старых или новых пророков, способна утвердить резонансные отношения по вертикали, диагонали и горизонтали, считает Роза.

Включение Вебера в современные теоретические построения, рассмотрение его как предшественника Новой критической теории, безусловно, заслуживает внимания как ре(актуализация) наследия классика.

Попытка рассмотреть Вебера как диагноста и аналитика современности в русле рецепции исторической макросоциологии [Kalberg 2001, 2013; Maslovskiy 2019], включить веберовские понятия харизмы, бюрократизации, расколдовывания, протестантизма в дискурс ускорения и динамической стабилизации представляется интересной актуализирующей интерпретацией наследия классика. Благодаря обращению к веберовским религиозно-социологическим понятиям, как принятие и неприятие мира, приспособление к миру и овладение миром, рассмотрение и бегство от мира [Ibid: 222], Розе удастся показать, что «резонанс и отчуждение являются в принципе вполне операционализируемыми понятиями» [Rosa 2020: 752]. Как и любая другая рецепция, интерпретация президента коллегия имени Макса Вебера не лишена изъянов. Позиционируя себя как представителя другого интеллектуального направления, ему тем не менее удалось переосмыслить классика и включить его важные идеи в Новую критическую теорию.

161

Стремление же переосмыслить «понимающую социологию» как методологию креативного конструктивизма и автобиографического описания с анализом художественных текстов, как и налет «нормативного монизма» (отмечаемый многочисленными критиками Розы) в стремлении охватить своей концепцией резонанса веберовские категории рационализации, бюрократии, харизмы, расколдовывания и проч., остаются довольно уязвимыми для критики. Обобщая многочисленные рецензии, дискуссии, опровержения, а также выводы коллективной монографии «Резонансы и диссонансы. Критическая теория Хартмута Розы в дискуссии» [Peters, Schulz 2019], можно выделить четыре направления критики [Катаев 2020: 435-438]: 1) избыточность понятия резонанса. Резонанс предстает как всеохватывающая «магическая формула поздней современности» от вибраций в дружбе до плача и смеха; 2) критическая теория Розы игнорирует ключевые категории этого направления: господство, неравенство, эксплуатация, собственность и проч. [Hartmann 2016]; 3) «нормативный монизм» теории. Резонанс должен стать по мнению Розы «метакритерием благой жизни», который охватывает все мыслимые социальные отношения, в том числе признания, распределения, взаимопонимания и проч. [Rosa 2020: 749]; 4) недостаточная эмпирическая обоснованность. По существу, кроме биографий, литературы и интерпретации классиков Розе нечего предоставить в качестве эмпирической базы.

В своих многочисленных интервью и статьях Роза пытается ответить критикам и устранить недочеты теории. Однако важные

шаги [Wetzel 2016: 60-62] по концептуализации контуров резонанса, включению этнографических исследований и интервью отраслевых социологов, по расширению дискурса резонанса ключевыми понятиями критической теории (власть, господство, капитализм) так и не были предприняты.

Заклучение

Социология отношения к миру Х. Розы, несмотря на то что он сам себя позиционирует как автора Новой критической теории, — это определенно большой шаг в направлении актуализированной С. Кальбергом социологической программы М. Вебера, включающей три постулата: образование понятий как рефлексия над переплетением прошлого и настоящего; мультикаузальность ориентации действий акторов; укорененность (контекстуальность) социального действия в конфигурациях этих ориентаций [Kalberg 2013: 16]. Х. Роза, как и С. Кальберг, рассматривает Вебера как макросоциолога, чей диагноз современности и концептуальные модели харизмы и бюрократии не утратили своей актуальности. Он рассматривает классика как диагноста и критика раннего модерна, переосмысливая и переформируя его ключевые идеи и концепции, не теряя аутентичности методологии и теории.

162

Опираясь на отдельные элементы веберовской социологии, Розе удастся показать возможности продуктивной реактуализации классика, и это отличает его от воинствующих марксистов [Ожиганов 1986], ставших ортодоксальными вебероведами [Ожиганов 2020a; 2020b], и критиков буржуазных теорий [Капелюшников 2019: 186], для которых любая попытка развития идей классика воспринимается как отход от «генеральной линии партии». Не вызывает сомнения, как пишет блестящий исследователь новой плеяды вебероведения в Германии Томас Швинн, что «эпоха глобализации и цифровизации представляет обширное поле для веберовской социологии, так как в условиях постоянно увеличивающегося потока данных и умножающихся экстравагантных повествований в определенный момент мы услышим громкий призыв к более сильной теории, и именно здесь вебероведы должны взять на себя эту миссию. Творчество Макса Вебера не исчерпало себя, его нужно проецировать (на модерн), и это будет новым этапом, который еще предстоит вебероведению» [Schwinn 2020: 373]. Реактуализация творчества Макса Вебера в Новой критической теории можно рассматривать как шаг в этом направлении.

Итак, несмотря на спорные моменты, эксплоративный характер исследований, многочисленную критику и дополнения, Новая критическая теория Хартмута Розы представляет интерес не только как яркая теория XXI века, но и как интерпретация классического наследия Макса Вебера для анализа, диагноза и праксиса современности.

Библиография / References

- Вебер М. (2006) *Протестантская этика и дух капитализма*, М.: РОССПЭН.
 — Weber M. (2006) *Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*, М.: ROSSPEN. — in Russ.
- Вебер М. (2016) *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии*, М.: ИД ВШЭ.
 — Weber M. (2016) *Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der verstehenden Soziologie*, М.: Ed. House of the Higher School of Economics. — in Russ.
- Давыдов Ю.Н. (1998) *Макс Вебер и современная теоретическая социология: Актуальные проблемы веберовского социологического учения*, М.: Мартис.
 — Davydov Yu.N. (1998) *Max Weber and the Modern Theoretical Sociology: Actual Problems of Weber's Sociological Doctrine*, М: Martis. — in Russ.
- Забаяев И.В. (2019) Ницшеанский взгляд на стодолларовую купюру: чтение веберовской «Протестантской этики» в связи с замечаниями современного экономиста. *Экономическая социология*, 20 (1): 20–71.
 — Zabaev I. (2019) A Nietzschean Take on a Hundred-Dollar Bill: Reading Weber's "Protestant Ethic" in Connection with a Contemporary Economist's Comments. *Journal of Economic Sociology*, 20 (1): 20–71. — in Russ.
- Капелюшников Р.И. (2018) Гипноз Вебера. Заметки о «Протестантской этике и духе капитализма». Часть I. *Экономическая социология*, 3 (19): 25–49.
 — Kapelyushnikov R.I. (2018) Weber's Hypnosis. Notes on "Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism." Part I. *Journal of Economic Sociology*, 3 (19): 25–49. — in Russ.
- Капелюшников Р.И. (2018) Гипноз Вебера. Заметки о «Протестантской этике и духе капитализма». Часть II. *Экономическая социология*, 19 (4): 12–42.
 — Kapelyushnikov R.I. (2018) Weber's Hypnosis. Notes on "Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism." Part II. *Journal of Economic Sociology*, 19(4): 12–42. — in Russ.
- Капелюшников Р. И. (2019). Ответ современному не-экономисту. Комментарий на комментарий. *Экономическая социология*, 20 (3):185–205.
 — Kapelyushnikov R.I. (2019) The answer to the Modern Non-economist. Comment on Comment. *Journal of Economic Sociology*, 20 (3): 185–205. — in Russ.
- Катаев Д.В. (2018) Веберианский и антивеберианский дискурс: к вопросу о гипнотической силе классики на примере «Протестантской этики». *Экономическая социология*, 19 (5): 146–163.
 — Kataev D.V. (2018) Weberian and Anti-Berrian Discourse: Toward the Question of the Hypnotic Power of Classics on the Example of "Protestant Ethic". *Economic Sociology*, 19 (5): 146–163. — in Russ.
- Катаев Д.В. (2017) Социология Макса Вебера: поздняя, незавершенная и своевременная. *Социологическое обозрение*, 16 (3): 428–435.
 — Kataev D.V. (2017) Sociology of Max Weber: Late, Incomplete, and Timely. *The Russian Sociological Review*, 16 (3): 428–435. — in Russ.
- Катаев Д.В. (2020) Новая критическая теория или аналитический эмпиризм? *Социологическое обозрение*, 19 (3): 426–449.

— Kataev D. V. (2017) New Critical Theory or Analytical Empiricism? *The Russian Sociological Review*, 19 (3): 426-449. — in Russ.

Кильдюшов О.В. (2016) Социология религии как теория социального порядка (к выходу по-русски исследования Макса Вебера «Конфуцианство и даосизм»). *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*, 83 (4): 188-198.

— Kildyushov O.V. (2016) Sociology of Religion as a Theory of Social Order (to the Publication in Russian of Max Weber's Research "Confucianism and Taoism"). *Polity: Analysis. Chronicle. Forecast (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics)*, 83 (4): 188-198. — in Russ.

Лепсиус М.Р. (2004) Своеобразие и потенциал веберовской парадигмы. *Журнал социологии и социальной антропологии*, VII (2): 51-60.

— Lepsius M.R. (2004) The Uniqueness and Potential of the Weberian Paradigm. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, VII(2): 51-60. — in Russ.

Ожиганов Э.Н. (1986) *Политическая теория Макса Вебера*, Рига: Зинате.

— Ozhiganov E.N. (1986) *Max Weber's Political Theory*, Riga: Zinate. — in Russ.

Ожиганов Э.Н. (2020а) Спор о Вебере: культурсоциология, неолиберализм и теория господства. *Социологическое обозрение*, 19 (2): 122-142.

164

— Ozhiganov E.N. (2020a) The Weber Controversy: Cultural Sociology, Neoliberalism and Dominance Theory. *Russian Sociological Review*, 19 (2): 122-142. — in Russ.

Ожиганов Э.Н. (2020b) *Макс Вебер: инвариантность господства*, М.: ИНФРА-М.

— Ozhiganov E.N. (2020b) *Max Weber: Invariance of Domination*, М.: INFRA-M. — in Russ.

Патрушев А.И. (1990) *Макс Вебер и германская буржуазная историография в эпоху империализма. Проблемы политики и теории*. Автореф. дис. ... доктора исторических наук. МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва.

— Patrushev A.I. (1990) *Max Weber and German bourgeois historiography in the era of imperialism. Problems of politics and theory: Abstract dis. ... doctors of historical sciences*. Moscow State University. M.V. Lomonosov, Moscow. — in Russ.

Роза Х. (2018) Идея резонанса как социологическая концепция. *Глобальный диалог*, 8 (2): 41-44.

— Rose H. (2018) The Idea of Resonance as a Sociological Concept. *Global Dialogue*, 8 (2): 41-44. — in Russ.

Тенбрук Ф. (2020) Главный труд Макса Вебера. *Социологическое обозрение*, 16 (3): 428-435.

— Tenbrook F. (2020) The main work of Max Weber. *Russian Sociological Review*, 16 (3): 428-435. — in Russ.

Шлюхтер В. (2004) Действие, порядок и культура: основные черты веберовской исследовательской программы. *Журнал социологии и социальной антропологии*, VII (2): 22-50.

— Schluchter W. (2004) Action, Order, and Culture: Key Features of the Weberian Research Program. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, (VII) 2: 22-50. — in Russ.

Albert G., Bienfait A., Sigmund S., Wendt C. (2003) *Das Weber-Paradigma: Studien zur Fortentwicklung von Max Webers Forschungsprogramm*, Tübingen: Mohr Siebeck.

Albert G., Bienfait A., Sigmund S., Stachura M. (2006) *Aspekte des Weber-Paradigmas: Festschrift für Wolfgang Schluchter (Studien zum Weber-Paradigma*, Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.

Dörre K., Rosa H., Becker K., Bose S., Seyd B. (eds) (2019) *Große Transformation? Zur Zukunft moderner Gesellschaften: Sonderband des Berliner Journals für Soziologie (German Edition)*, Wiesbaden: Springer VS.

Esser H. (2019) Situationslogik. Analytisch-empirische Soziologie und die Erklärung von sozialer Ungleichheit, gesellschaftlicher Dynamik und historischen Umbrüchen. *Große Transformation? Zur Zukunft moderner Gesellschaften: Sonderband des Berliner Journals für Soziologie (German Edition)* K. Dörre, H. Rosa, K. Becker, S. Bose, B. Seyd (eds), Wiesbaden: Springer VS: 567-585.

Filippov A., Farkhatdinov N. (2019) Sociology of Max Weber in the 21st Century: From Reception to Actualization. *Russian Sociological Review*, 18 (2): 9-15.

Hartmann M. (2016) Im Resonanzhafen bekommt die Welt ein anderes Gesicht. Rezension zu Hartmut Rosas Buch Resonanz. Eine Soziologie der Weltbeziehung. Frankfurter Allgemeiner Zeitung. (https://fazarchiv.faz.net/document/FAZ__FD1201604054795937)

Joas H. (2013) *Vielfalt der Moderne — Ansichten der Moderne*, Frankfurt/M: Fischer.

Kalberg S. (2001) *Einführung in die historisch vergleichende Soziologie M. Webers*, Wiesbaden: Westdeutscher Verlag GmbH.

Kalberg S. (2013) *Deutschland und Amerika aus der Sicht Max Webers*, Wiesbaden: Springer Fachmedien.

Kläden T. Schüßler M. (2017) *Zu schnell für Gott? Theologische Kontroversen zu Beschleunigung und Resonanz*, Freiburg: Verlag Herder.

Maslovskiy M. (2019) The Soviet version of modernity: Weberian and post-Weberian perspectives. *Russian Sociological Review*, 18 (2):174-188.

Peters Ch., Schulz P. (eds) (2017) *Resonanzen und Dissonanzen: Hartmut Rosas kritische Theorie in der Diskussion*, Bielefeld.

Römer O. (2019) Wissenschaftslogik und Widerspruch: Die Esser-Hirschauer-Kontroverse: Soziologiehistorische und systematische Überlegungen zu einem Methodenstreit. *Zeitschrift für Theoretische Soziologie*, 2: 220-244.

Rosa H. (2005) *Beschleunigung. Die Veränderung der Zeitstrukturen in der Moderne*, Frankfurt/M: Suhrkamp.

Rosa H. (2012) *Weltbeziehungen im Zeitalter der Beschleunigung: Umriss einer neuen Gesellschaftskritik*, Berlin: Suhrkamp Verlag.

Rosa H. (2013) *Beschleunigung und Entfremdung — Entwurf einer kritischen Theorie spätmoderner Zeitlichkeit*, Frankfurt/Main: Suhrkamp.

Rosa H. (2020) *Resonanz: eine Soziologie der Weltbeziehung*, Berlin: Suhrkamp Verlag.

Rosa H., Endres W. (2016) *Resonanzpädagogik. Wenn es im Klassenzimmer knistert*, Weinheim/Basel: Beltz Verlag.

- Rosa H., Strecker D., Kottman A. (2018) *Soziologische Theorien*, Konstanz: UVK.
- Schluchter W. (2016) *Max Webers späte Soziologie*, Tübingen: Mohr Siebeck.
- Schluchter W. (1972) *Aspekte bürokratischer Herrschaft. Studien zur Interpretation der fortschreitenden Industriegesellschaft*, München: Paul List Verlag KG.
- Schwinn T., Albert G. (Hrsg.) (2016) *Alte Begriffe — Neue Probleme: Max Webers Soziologie im Lichte aktueller Problemstellungen*, Tübingen: Mohr Siebeck.
- Schwinn T. (2020) Klassikerdämmerung. 100 Jahre Max Weber im Kontext der Soziologiegeschichte und des aktuellen Zustandes unserer Disziplin. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, 81 (4): 351-381.
- Tenbruck F.H. (1975) Das Werk Max Webers. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, 27 (4): 663-702.
- Triebel K. (2006) Talcott Parsons als Übersetzer der «Soziologischen Grundbegriffe» Max Webers. K. Lichtbau (Hrsg.) *Max Webers, Grundbegriffe' Kategorien der kultur- und sozialwissenschaftlichen Forschung*, Wiesbaden: VS Verlag: 337-365.
- Weber M. (1973) *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*, Tübingen: Mohr.
- Weber M. (1988) *Gesammelte Aufsätze zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, Tübingen: Mohr.
- Weber M. (1980) *Wirtschaft und Gesellschaft*, Tübingen: Mohr.
- 166 Wetzell D. (2017) Resonanz in der Soziologie: Positionen, Kritik und Forschungsdesiderata. Breyer T., Buchholz M. (Hrsg.) *Resonanz — Rhythmus — Synchronisierung*. Bielefeld: transcript.: 47-64.
- Winckelmann J. (1956) *Max Weber. Soziologie. Weltgeschichtliche Analysen. Politik*, Lein- en: Kröner Verlag.
- Witte S. (2017) Liebe gebor(g)en: Heilsversprechen der Resonanz als Symptom für das Unbehagen in der Kultur Psychoanalytisch-kultur theoretische Anmerkungen zu Hartmut Rosas Soziologie der Weltbeziehungen. *Resonanzen und Dissonanzen Hartmut Rosas kritische Theorie in der Diskussion*, Bielefeld: Transcript Verlag: 291-310.

Рекомендация для цитирования:

Катаев Д.В. (2020) Макс Вебер и Новая критическая теория Хартмута Розы: актуализация классики. *Социология власти*, 32 (4): 146-166.

For citations:

Kataev D.V. (2020) Max Weber and the New Critical Theory of Hartmut Rosa: Updating the Classics. *Sociology of Power*, 32 (4): 146-166.

Поступила в редакцию: 03.12.2020; принята в печать: 29.12.2020

Received: 03.12.2020; Accepted for publication: 29.12.2020